

— В конце ноября, вскоре после моего возвращения домой из почти месячной командировки в Сочи-Москву, отец окончательно перебрался в Калининград в свою новую квартиру со своей новой женой. Переезд их обоих измучил, были какие-то неурядицы сначала с отправкой контейнера, потом с багажом, который они везли с собой тем же поездом. Погода в день приезда была омерзительнейшей: сильный ветер, дождь со снегом, слякоть. Встречали их мы с Митей, поезд задержался больше чем на час. Приехали домой, дверь закрыта - Сашуля куда-то вышла, а у меня ключа нет. Пошёл искать Сашулю, а переселенцы остались уныло стоять на лестничной площадке, отказываясь ждать на улице у подъезда. Мачеха моя заметно скисла, её унылый вид как бы вопрошал:

— Это зачем меня сюда привезли из солнечного Крыма?

— Отец же держался бодро. Сашулю я обнаружил в магазине напротив, куда она побежала, увидев из окна, что несут молоко. Так что торчать у закрытых дверей отцу с Тамарой Сергеевной пришлось недолго, а то бы совсем расстроились. Мы с Сашулей, как могли, подбодрили Тамару Сергеевну, напоили их с отцом чаем и проводили на новую квартиру, которую, кстати, я в тот день только и увидел в первый раз. Квартира такая же как у Милочки, две комнаты смежные, одна, поменьше, изолированная, просторный коридор. Жить вполне можно, а для двоих так и вовсе шикарно.

— Приближался конец года, а с ним и конец пятилетки. Это означало, что отчётов мы должны были представить больше обычного, и всё итоговые, заключительные. В декабре заканчивались пятилетние темы по хоздоговорам с "Вымпелом" ("Тоннель-АН") и с ИПГ (второй договор, заключённый в продление первого), по этим темам я числился научным руководителем вместе с Зевакиной. Лобачевский требовал также письменных заключительных отчётов по бюджетным темам, из которых на мне висел отчёт по теме "Математическое моделирование среднеширотных ионосферных возмущений".

— И как-то легко в этот раз со всеми отчётами справились, без авралов. Сказывался уже накопленный опыт, делали всё загодя. Для ИПГ отчёт ещё в конце лета начали составлять: Миша Власов просил пораньше всё представить, и остальные состряпали в течение осени, не откладывая, как раньше, на декабрь. Сдача тем заказчикам прошла гладко, хотя, быть может, мы сделали им и не то, что они хотели, зато по науке, а главное, убедили их в том, что ничего другого-то и сделать было в принципе нельзя.

— А уже целый год шла новая хоздоговорная тема под названием "Ураган".

Выполнялась она для какого-то огромного номерного "ящика" в районе Авиамоторной улицы, конторы побольше и, по словам Лобачевского, посолиднее "Вымпела". Мы были там с Саенко летом (в июне уже сдавали первый этап). Целый институт-завод, занимающий не один квартал за стенами стоящих вплотную огромных корпусов административного облика сталинской архитектуры.

— Заказчик в лице пожилого еврея Исаака Соломоновича Липкина, которого мне почему-то всё время хотелось называть Исааком Ньютоновичем, а для Саенки я его только так и называл, требовал от нас (за приличные, впрочем, а по тем временам просто большие для нас деньги - больше миллиона) разработать оперативную модель ионосферных поправок к многоспутниковым навигационным измерениям дальности и скорости движущихся объектов. Научными руководителями темы числились Лобачевский и я, исполнителями - наша обсерватория и отдел Лобачевского, ответственными исполнителями - от нас Саенко, от ИЗМИРАНа - Герман Гусев (это-то нас и познакомил), но фактически настоящим исполнителем на первом этапе был один Саенко, который с энтузиазмом взялся за эту тему, почуяв возможность найти применение своим упрощённым, но зато глобальным моделям ионосферы и протоносферы. Позже он подключил к работам сначала Колю Нацваляна, а потом Юру Шагимуратова. Так втроём они фактически и выполнили всю тему, остальные все, измирановцы, числились так, для

антуражу. Сашуля ещё немного помогала, да я участвовал как консультант и переводчик Липкина для Саенко, Юра всё как-то не так понимал заказчика в ущерб себе же. Но это всё уже в следующей пятилетке было. Забежал вперёд.

— Вскоре после возвращения из Сочи я получил из Ленинграда письмо от Лариски Зеленковой. Она писала:

"Сашка! Я твою диссертацию отдала Михаилу Ивановичу. Он сказал, что просто так он твою работу сейчас читать не может, потому что у него на столе уже две докторские лежат и ему их надо до февраля прочитать. А если ты согласишься защищаться в Ленинграде, то он с удовольствием будет твоим оппонентом. И он даже просит, чтобы ты у нас защищался, потому что у нас в совете (макаровском) почти нет докторских защит, а это ставит совет под угрозу закрытия. Так что ты выручишь наш совет. Ты наш выпускник, тебя здесь помнят. Соглашайся.

Лариса."

— Это предложение сначала меня озадачило просто своей неожиданностью. До сих пор я и не помышлял о том, чтобы защищаться где-то на стороне, не в ИЗМИРАНе. Родной ЛГУ почему-то и в голову не приходил. Пожалуй, это было вызвано тем, что отказ от защиты в ИЗМИРАНе мог означать капитуляцию перед Фаткуллиным, точнее, просто бегство от него. Слишком жирно для Марса. Но по здравому размышлению у защиты в ЛГУ выявлялась масса преимуществ.

— Пудовкин - член совета, и его предложение быть оппонентом снимает проблему третьего оппонента, так как надежды получить согласие оппонировать у кого-либо из членов измирановского совета - ионосферщиков Иванова-Холодного, Беньковой и Фаткуллина практически не оставалось, разве что Цедилина согласится, но она "распространенец", а не "ионосферщик", что снижает весомость её мнения. Пудовкин же безусловный авторитет.

— Далее, в ИЗМИРАНе огромная очередь на докторские защиты, ждать надо около года после принятия диссертации к защите, а в ЛГУ очереди вообще нет. Наконец, я и в самом деле выпускник ЛГУ и кандидатскую в ЛГУ защищал, чего же мне стесняться обратиться к своей "альма матер"?

— Я решил спросить мнение на этот счёт у Лобачевского и последовать его совету. Лобачевский ни секунды не колебался.

— И очень хорошо. Соглашайтесь. Тем более, что Вас просят. При Ваших отношениях с Марсом здесь Вам совершенно ни к чему спектакль устраивать. Но секцию Вам всё равно нужно пройти, чтобы получить рекомендацию для совета ЛГУ. Без неё Вашу работу там не примут. Так что выступайте в ФИАНе, собирайте отзывы.

— А Наталья Павловна, так та прямо обрадовалась, что таким образом можно прекратить нашу публичную борьбу с Марсом - не поедет же он в Ленинград на защиту, да главное, чтобы тут в ИЗМИРАНе скандала не было. Всё-таки Марс её "любимый ученик", хотя немало и ей самой гадостей наделал.

— И Юдович, и Данилов, и Дёминов с Ситновым - все единодушно считали вариант защиты в Ленинграде самым благоприятным. После всех этих обсуждений не осталось сомнений и у меня. Я связался по телефону с Лариской и сообщил своё согласие на предложение Пудовкина защищаться в ЛГУ, рассчитывая на него как оппонента - члена совета. Просил узнать у Пудовкина, когда мне лучше приехать в Ленинград.

— Лариска всё разузнала и написала, что мне нужно будет в феврале выступить сначала на семинаре лаборатории Пудовкина, а потом на кафедре. К этому времени он постарается диссертацию просмотреть.

— Оставалось преодолеть секцию, то есть сначала выступить в ФИАНе. Ну что же, в ФИАНе - так в ФИАНе. Я по телефону договорился с Гуревичем о семинаре и в

очередной раз отправился в Москву.

— Александр Викторович Гуревич ("светлейший" - как называет его Калинин) - фигура заметная, молодой ещё сравнительно, то есть вблизи пятидесяти (ровесник Данилова, наверное), к тому же моложавый, юношеского вида, курчавый, улыбчивый. В ФИАНе он завлаб или даже заведом, давно уже доктор, считается талантливым, метит в членкорры, в ИЗМИРАНе к нему относятся почтительно. Впрочем, неясно, за личные ли качества или за престижность ФИАНа - одного из самых (если не самого) солидных в Союзе научных учреждений в области физики.

— Гуревич - член Учёного совета ИЗМИРАН и член секции по ионосфере и распространению радиоволн, которую возглавляет Лобачевский. На секции он бывает редко, но именно там я его только и видел. На одном из выступлений Смертина в ИЗМИРАНе (на предзащите или защите) Гуревич высказал несколько доброжелательных замечаний в духе рекомендаций, что уже можно было считать за похвалу - заметил! С ИЗМИРАНОм у Гуревича связи из-за тематики - он занимается волнами в плазме и, в частности, в ионосфере, в последнее время - эффектами воздействия на ионосферу радиоизлучения мощных передатчиков.

— Елена Евгеньевна Цедилина - его бывшая аспирантка, а теперь сама уже доктор, у них много совместных работ (было, сейчас из измирановцев с ним работают Васьков, который утверждал тему своей докторской одновременно со мной и давно уже прошёл секцию, вот-вот должен был защититься, и Борисов). Про Цедилину и Гуревича я слышал намёки, что между ними больше было, чем дружба и научное сотрудничество. Они, между прочим, на мой взгляд внешне вполне соответствовали друг другу, разве что ростом Цедилина вышековата для Гуревича. Про семейное положение Гуревича ничего не знаю, а у Цедилиной дочь есть, уже взрослая, живут вдвоём.

— Гуревич перед моим выступлением у них на семинаре выдвинул одно условие: я должен рассказывать только о физике явлений, которые я исследовал в своей диссертации, больше их ничего не интересует (имея в виду, очевидно, морфологию, методологию и т.п. вещи, зачастую преобладающие в геофизических диссертациях).

— О физике - так о физике.

— Гуревич заказал мне пропуск, и в назначенный день я явился в ФИАН - огромный институт из множества старых корпусов на улице Вавилова, параллельной Ленинскому проспекту. Гуревич подзапоздал. Я уныло слонялся по тусклому коридору, курил на обшарпанной лестничной площадке. Наконец, "светлейший" явился. В небольшой комнатке с доской собралось человек десять сотрудников Гуревича, всё молодёжь. Из измирановцев был только Борисов, Цедилина заболела (она что-то часто болела в последнее время). Аудиторию я себе совершенно не представлял в том смысле, насколько она ориентируется в геофизике, и спросил у Гуревича, нужна ли вводная часть, начинать от печки или как?

— - Расскажите физическую постановку задачи - это самое главное, а дальше мы разберёмся.

— Я рассказывал около часа. Слушали внимательно. Вопросы по ходу почти не задавали. Когда я кончил, вся дискуссия завелась вокруг одного только вопроса - можно ли использовать в описании ионосферной плазмы заданные извне электрические поля, на которые ионосфера сама влияет?

— Я доказывал, что можно, исходя из того, что на поля влияет лишь нижняя ионосфера, которая сама контролируется фотохимическими процессами и от полей практически не зависит. Однако, похоже было, что убедить слушателей мне не удалось. Успокоило их, к счастью, то, что внутреннее поляризованное электрическое поле амбиполярной диффузии учитывалось самосогласованно, чего на самом деле и достаточно. Математическая же оснащённость работы произвела должное впечатление.

— - Ну, что же, - сказал в заключение Гуревич, - это не туфта. Физический смысл в работе есть. Вам что от нас надо?

___ - Отзыв для секции. Я уже выступал на секции, и по предложению Цединой мне рекомендовали выступить у Вас. Если Ваш семинар одобрит, секция рекомендует к защите.

___ - Хорошо, я скажу Лене, она напишет отзыв. Или Вы лучше сами напишите, какой Вам нужно, а она подпишет. Я с ней поговорю.

___ На том и разошлись. Теперь мне нужно было ждать, когда Цедилина выздоровеет.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)